

К. В. Карпов

Суждения авторитета и этика убеждений

УДК 165+17.03

DOI 10.47132/2541-9587_2026_3_317

EDN JVBDHS

Аннотация. В статье исследуется проблема эпистемического статуса суждений, основанных на авторитете, в контексте этики убеждений. Отправной точкой рассуждений служит хорошо известный скептицизм нововременных философов (Локк, Юм, Кант, Шопенгауэр) в отношении убеждений, основанных на суждениях авторитета. Но если познавательный субъект последовательно откажется от всякого доверия авторитетному суждению и признает авторитетными суждения только собственного разума, то не обрушится ли это всяческий познавательный процесс? В самом деле, полное исключение авторитета из познания невозможно в силу его фундаментальной роли в передаче знания. Посему предлагается рассмотреть авторитет не как досадное препятствие на пути к самостоятельному мышлению, а как на особую эпистемическую позицию источника информации, которому в конкретной ситуации приписана высокая степень надёжности. Показывается, что эпистемическая ситуация авторитетного суждения имеет чёткую структуру, при этом обоснованию подлежит не само свидетельство, а надёжность свидетельствующего. На этом основании проводится различие между строгим обоснованием (justification) и принятием (acceptance) как особым эпистемическим отношением. Особое внимание уделено вопросу о том, не ослабевает ли обоснованность убеждения по мере его передачи по цепочке авторитетных свидетельств. В заключительной части статьи поднимается вопрос об этической оправданности доверия авторитету не только с точки зрения истинности, надёжности и обоснованности, но и в перспективе служения таких свидетельств реализации эпистемических ценностей.

Ключевые слова: свидетельство авторитета, эпистемический авторитет, обоснование, принятие, этика убеждений, степень обоснованности убеждений.

Об авторе: **Кирилл Витальевич Карпов**

Старший научный сотрудник сектора философии религии Института философии РАН.

E-mail: kirill.karpov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0223-7410>

Для цитирования: Карпов К. В. Суждения авторитета и этика убеждений // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2026. № 3 (31). С. 317–336.

Статья поступила в редакцию 05.07.2026; одобрена после рецензирования 19.07.2026; принята к публикации 27.07.2026.

Kirill V. Karpov

Authoritative Testimonies and Ethics of Belief

UDC 165+17.03
DOI 10.47132/2541-9587_2026_3_317
EDN JVBDHS

Abstract: This paper explores the epistemic status of beliefs formed on authoritative testimony within the framework of the ethics of belief. The point of departure is the well-known scepticism towards authoritative testimonies of early modern philosophy, as articulated in the works of Locke, Hume, Kant, and Schopenhauer. However, if the knowers were to consistently withhold all trust from authoritative testimonies and recognize as authoritative only the deliverances of their own reason, the very possibility of cognition would be called into question. Indeed, the complete elimination of authority from cognition proves unattainable, given its fundamental role in the transmission of knowledge. In this paper, I propose to reconceptualize authority not as an impediment to autonomous thought but as a specific epistemological position occupied by a source of information, to which a high degree of reliability is attributed within a particular epistemic context. I demonstrate that the epistemological configuration of authoritative testimony exhibits a clearly delineated structure, and what requires justification is not the testimony itself, but the reliability of the testifier. On this basis, I introduce a distinction between strict justification and acceptance as two distinct epistemic relations. Particular attention is devoted to the question of whether the justificatory force of a belief diminishes as it is transmitted along a chain of authoritative testimonies. In the concluding section, I raise the question of the ethical justifiability of trusting authority, considered not only from the standpoint of truth, reliability, and justification, but also from the perspective of how such testimony serves the realization of epistemic values.

Keywords: authoritative testimony, epistemic authority, justification, acceptance, ethics of belief, degree of justificatory force.

About the author: Kirill Vitalievich Karpov

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Department of Philosophy of Religion at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: kirill.karpov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0223-7410>

For citation: Karpov K. V. Authoritative Testimonies and Ethics of Belief. *Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy*, 2026, no. 3 (31), pp. 317–336.

The article was submitted 05.07.2026; approved after reviewing 19.07.2026; accepted for publication 27.07.2026.

Введение

Всем, кто сколько-нибудь знаком с историей западноевропейской мысли, известно, что отношение нововременных философов к суждениям, сформированным или почерпнутым из какого бы то ни было авторитетного источника, было, мягко говоря, исполнено глубочайшего скептицизма, если не сказать — решительного осуждения. Перечень соответствующих примеров поистине необозрим, и в этом обстоятельстве нет ровно ничего удивительного, если принять во внимание самый генезис нововременного философствования, протекавший в напряжённейшей полемике со схоластической, по сути своей религиозной, традицией. Для последней, как известно, апелляция к авторитету являлась не просто одним из приёмов, но была и подлинным двигателем развития философии и наук, поскольку схоластика осознавала себя как традицию, а бытование какой бы то ни было традиции невозможно без авторитетов, составляющих её основу. Поэтому вполне естественно, что, подвергнув уничтожающей критике авторитеты прошлого, мыслители Нового времени с неизбежностью должны были пересмотреть и самый статус суждений, основанных на каком бы то ни было ином, кроме разума, авторитетном свидетельстве, и радикально понизить их ценность как легитимного источника знания.

Среди наиболее ярких и, если угодно, характерных иллюстраций этого глубочайшего недоверия к авторитетам минувших эпох, доходящего подчас до их решительного отрицания, можно указать на следующие. Джон Локк в своём известном трактате о веротерпимости устанавливает важную границу между теми областями, где влияние авторитета ещё может считаться правомерным, и теми, где личное суждение не может быть замещено никаким внешним принуждением. «Разумно ли, — вопрошает он, — чтобы тот, кто не властен принудить меня к покупке дома, предписывал мне способы стяжания царства небесного; чтобы тот, кто не вправе указывать мне правила сохранения телесного здоровья, навязывал мне пути спасения души; чтобы тот, кто не властен избрать для меня супругу, избирал для меня веру?»¹ В «Опыте о человеческом разумении» он пронизательно указывает и на политическую власть, сопряжённую с обладанием авторитетом: «Обладать диктаторскою властью и принуждать других принимать на веру за некий врождённый принцип все, что только может послужить целям наставника, — это немалая власть, которую один человек может иметь над другим»². Давид Юм, исследуя пределы человеческого познания, показывает, сколь легко авторитет вступает в непримиримый конфликт со здравым смыслом: религиозное предание и свойственная человеческой природе страсть ко всему чудесному напрочь подавляют способность к рациональному суждению. «Но если с любовью к чудесному сочетается еще дух религиозности, — замечает он, — то приходит конец здравому смыслу, и свидетельства людей при таких условиях теряют

¹ Локк Дж. Опыт о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения: в 3-х томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 68–69.

² Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения: в 3-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1985. С. 152.

всякое право на авторитетность»³. Апофеозом же, высшим выражением этого критического направления мысли являются, на мой взгляд, два афористических изречения: во-первых, знаменитый призыв Иммануила Канта: «Имей мужество пользоваться собственным умом!»⁴, и, во-вторых, может быть менее известное, но куда более резкое суждение Артура Шопенгауэра: «Человек, которому, как это обыкновенно бывает, чужой авторитет должен заменять собственное суждение, представляет собою жалкое животное»⁵.

Но и в наше время проблема авторитетного суждения никуда не делась, она возникает вновь, но уже на ином уровне — применительно к авторитету научного знания. Как это ни странно, но торжество эмпирического научного метода мышления, составившее одно из главных достижений нововременной философии, имело и оборотную сторону. Наука, низложив прежние авторитеты, сама заняла их место, и это обстоятельство породило два взаимосвязанных феномена: т.н. научный империализм (термин П. Фейерабенда) и, как ответную реакцию — дениализм. Как весьма точно отмечает Лиана Тухватулина, «противоборство научному империализму, о котором заявил Фейерабенд, связано не с недоверием к науке как форме познания, а с отказом от презумпции безоговорочного доверия учёным»⁶.

Но в то же время хорошо известна педагогическая функция авторитетного суждения — речь в первую очередь о передаче накопленных знаний через механизм свидетельства (testimony). Так, Джон Греко справедливо замечает по этому поводу, что если говорящий действительно знает то, о чем ведёт речь, и если слушающий приходит к знанию именно через сообщаемое ему, то в некотором существенном смысле можно утверждать, что говорящий передаёт своё знание слушающему⁷. Не менее важную сторону дела раскрывает Линда Загзебски в своей защите тезиса об автономии при признании авторитета. Рассуждение её таково: если познающий субъект отдаёт себе отчёт в том, что другое лицо более компетентно в известном вопросе и обладает лучшим, нежели он сам, доступом к истине, то рациональное последование суждению этого лица, иначе говоря, признание его эпистемическим авторитетом составляет не отказ от собственной автономии, а, напротив, подлинную её реализацию⁸.

Таким образом, перед нами обнаруживается очевидное напряжение и, можно сказать, противоречие. С одной стороны, имеется устойчивая

³ Юм Д. Исследование о человеческом познании // Юм Д. Сочинения: в 2-х томах. Изд. 2-е, дополн. и исправ. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 100.

⁴ Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Сочинения: в 8-ми томах. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 29.

⁵ Шопенгауэр А. Новые Паралипомены: отдельные, но систематически изложенные мысли о разного рода предметах. 1810–1860 // Шопенгауэр А. Полн. собр. соч.: в 4-х томах. Т. 4. М., 1910. С. 503.

⁶ Тухватулина Л. А. Наука как объект веры и недоверия: феномен дениализма // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 1. С. 11.

⁷ Greco J. The Transmission of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press. 2020. P. 3. В основных чертах эта позиция восходит к соответствующему анализу Дж. Остина (Austin J. L. Philosophical Papers. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 82).

⁸ Загзебски Л. Эпистемический авторитет: современная либеральная защита // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53, № 3. С. 98–100.

и чрезвычайно влиятельная традиция негативной оценки всякого рода убеждений, основанных на авторитетных суждениях. С другой стороны, — столь же неоспоримая необходимость и неизбежность участия таких суждений как в процессе формирования личных убеждений отдельного человека, так и в деле накопления, сохранения и передачи знаний. В настоящей статье мне хотелось бы обратиться к вопросам, вытекающим из этого напряжения, а именно: какова роль авторитетных суждений (авторитетных свидетельств) в общем познавательном поле познающего субъекта, и каким образом эта роль может быть встроена в этику убеждений, т.е. подпадают ли авторитетные суждения под нормы и правила, которыми надлежит руководствоваться познающему субъекту в своей деятельности.

Суждение авторитета в познавательном поле познающего субъекта

Что такое авторитет?

Прежде чем перейти к вопросу о месте суждения авторитета в познании, необходимо оговорить, какой смысл будет вкладываться в это понятие. Здесь и далее под суждением авторитета я буду иметь в виду то, что в современной литературе принято обозначать понятием «свидетельское показание» (testimony), но дающееся авторитетным источником. Иначе говоря, речь идёт о непосредственно переданной авторитетным источником информации, принимаемой познающим на основе самого факта сообщения и истолковываемой им семантически правильно⁹. Для комментария этого определения приведу несколько примеров.

1. Представим себе человека, прибывшего в город, расположенный в ином часовом поясе. По рассеянности он забыл перевести стрелки своих наручных часов и, что ещё важнее, запомнил и о самом факте этого упущения, пребывая, таким образом, в полной уверенности, что его часы показывают время верно. Взглянув на циферблат и увидев, что стрелки указывают на десять часов, он, естественно, формирует соответствующее убеждение относительно текущего времени. Однако спустя несколько минут взор его падает на уличные часы, которые показывают уже одиннадцать часов и пять минут. Возникает недоумение, но оно тотчас же проясняется памятью: наш путешественник вспоминает, что действительно не перевёл свои часы, и на этом основании принимает новое убеждение — на сей раз в пользу показаний часов уличных. В данном примере и наручные, и уличные часы выступают в роли авторитетных носителей информации потому, что 1) информация эта передаётся познающему непосредственно — он просто видит показания часов, 2) истолковывается им семантически правильно: он без труда понимает,

⁹ В определении авторитета я во многом следую за тем ходом мысли, который был предложен Р. Ауди в его многочисленных работах по эпистемологии свидетельства и этике убеждений (*Audi R. God and the Ethics of Belief // New Essays in Philosophy of Religion / ed. by A. Dole, A. Chignell. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 175–201; Idem. Testimony as an a Priori Basis of Acceptance: Problems and Prospects // Philosophica. 2006. Vol. 78, No. 2. P. 85–104*).

что означают цифры и положение стрелок (если речь о часах механических) или же что значит сама цифровая запись (в случае часов электронных).

2. Представим себе служащего, находящегося в офисе в самый разгар рабочего дня. Внезапно раздаётся сигнал пожарной тревоги, однако никаких видимых признаков возгорания — ни дыма, ни запаха гари, ни паники среди сослуживцев — не наблюдается. Сознание нашего служащего, естественно, начинает перебирать возможные объяснения: быть может, сигнализация сработала ложно по причине технической неисправности; быть может, он сам пока не в состоянии распознать источник возгорания; быть может, наконец, это просто учебная тревога. И всё же, несмотря на все эти резонные сомнения, забота о собственном благе — о сохранении жизни и здоровья — берёт верх, и наш служащий оставляет своё рабочее место и эвакуируется из здания. Сигнал пожарной тревоги и в этом случае выступает как авторитетное свидетельское показание, поскольку 1) информация о пожаре (или, по меньшей мере, о том, что существует реальная угроза такового) передана служащему непосредственно, 2) сигнал истолкован им семантически правильно — он безошибочно опознает в раздавшемся звуке именно сигнал пожарной тревоги и понимает, что в сложившейся ситуации надлежит действовать сообразно этому обстоятельству.

3. Представим себе пациента, находящегося на приёме у врача. Допустим, что, несмотря на, казалось бы, ничем не омрачённую субъективную оценку собственного состояния, данные анализов и исследований неопровержимо свидетельствуют об ином: здоровье пациента в серьёзнейшей опасности, и требуется немедленная госпитализация для безотлагательного лечения. Благоразумие, а равно и естественная забота о собственном благополучии, настоятельно побуждают человека согласиться с заключением врача и последовать его предписаниям. Суждение врача и в этом примере выступает в качестве авторитетного свидетельского показания: 1) информация о действительном положении дел, т.е. о состоянии здоровья пациента, передана ему непосредственно, из уст специалиста, и 2) истолкована им семантически правильно: он вполне понимает всю серьёзность врачебного заключения и то, что речь идёт о его собственном благополучии.

Что же объединяет все приведённые выше примеры — с путешественником, забывшим перевести часы, со служащим, услышавшим сигнал пожарной тревоги, и с пациентом на приёме у врача? Прежде всего то обстоятельство, что в каждом из них соблюдены оба условия, позволяющие говорить об особом — авторитетном — отношении к источнику информации. Субъект в этих случаях не проверяет и не подвергает сомнению полученное сообщение, но принимает его именно в силу того, что источник этот обладает для него известной значимостью, весомостью.

Второй объединяющий момент, тесно связанный с первым и, пожалуй, более существенный для настоящего рассуждения, заключается в способе получения знания. Во всех трёх случаях убеждение, в основе которого лежит свидетельское показание, принимается как некая непосредственно данная величина, а не выводится умозаключением, т.е. не формируется инференциальным способом. Путешественник не выстраивает цепочку рассуждений

о том, почему можно верить уличным часам, он скорее просто видит цифры и тотчас принимает их как указание на действительное время. Умозаключение о том, что его собственные часы отстают, появляется уже потом, как попытка согласовать два авторитетных показания, но само новое знание о времени получено не через это умозаключение, а непосредственно — через зрительное восприятие и правильное истолкование увиденного. Пациент, услышавший заключение врача о необходимости немедленной госпитализации, точно так же не проделявает в этот момент сложной логической работы: он не взвешивает вероятность врачебной ошибки, не припоминает статистику успешных диагнозов, не сравнивает компетентность данного специалиста с возможными альтернативными мнениями. Он просто слышит слова врача, понимает их значение — и принимает к сведению. Наконец, служащий, застигнутый сигналом пожарной тревоги, не рассуждает в первое мгновение о степени надёжности сигнализации. Звук сирены непосредственно, без всякого умозаключения, порождает в нем убеждение, что существует угроза пожара. Логические рассуждения о том, что уличные часы сверяются обычно с эталонными, что у другого врача может быть иное мнение, что может быть и ложное срабатывание сигнализации приходят позже и они не отменяют первичного, неинференциального убеждения. Таким образом, первичное убеждение приобретаетается не через логический вывод, а через прямое принятие авторитетного свидетельства. Это и составляет существенную характеристику такого рода познавательных актов.

Почему же эти свидетельства авторитетны? Было бы ошибкой полагать, будто сама по себе непосредственность восприятия и правильность истолкования сообщения уже делают источник информации авторитетным. Это далеко не так, и вполне очевидно почему. Ведь можно представить себе ситуацию, в которой человек непосредственно и совершенно правильно воспримет, скажем, показания самодельного барометра, собранного соседом-чудаком, но не придаст им ровно никакого значения именно потому, что не сочтёт источник заслуживающим доверия.

Если присмотреться к приведённым примерам, то мы обнаружим в них нечто существенно иное. Наши познающие субъекты — путешественник, пациент, служащий — изначально находятся в таком положении, когда источник знания уже вызывает у них высокую степень доверия, и доверие это имеет под собой вполне определённые основания. Путешественник доверяет уличным часам, ибо знает (или, по крайней мере, полагает), что они сверяются с эталонными и потому показывают время достаточно точно. Пациент доверяет врачу, поскольку тот получил специальное образование, имеет опыт практической работы и несёт по крайней мере моральную ответственность за свои заключения. Служащий хотя бы в общих чертах представляет себе устройство пожарной сигнализации, понимает важность своевременного предупреждения о пожаре и потому относится к сигналу тревоги со всей серьёзностью. Во всех этих случаях познающий субъект с самого начала включён в такую систему отношений, внутри которой определённые лица или устройства наделяются более высоким эпистемическим положением. Положение это заключается в том, что свидетельства, исходящие от данного

источника, должны приниматься если и не безоговорочно, то, во всяком случае, всерьёз и притом неинференциально, т.е. без специального рассуждения в момент восприятия о том, почему, собственно, мы этому источнику доверяем. Именно благодаря такому исключительному положению и становится возможной та самая непосредственность восприятия и правильность истолкования, о которых шла речь выше.

Такое исключительное положение источника информации я предлагаю относить к одному из видов надёжности. Чем выше надёжность свидетельствующего источника, тем меньше познавательных усилий требуется субъекту на формирование реакции на поступившее свидетельство и тем более непосредственный характер носит самое это принятие. И напротив, чем меньше надёжность источника, тем больше душевных и умственных сил приходится затрачивать на обоснование того, что ему вообще можно доверять, и на оценку серьёзности поступивших свидетельств.

Приведу ещё один пример. Представим сотрудника ДПС, прибывшего на место ДТП. В его обязанности входит провести необходимые мероприятия, дабы установить истинную картину случившегося и определить виновного. Для этого он проводит метрические измерения, тщательно изучает повреждения ТС, опрашивает участников ДТП и возможных свидетелей, знакомится с записями видеорегистраторов, если, конечно, таковые имелись, а также с материалами камер уличного наблюдения. Допустим, что водители, чьи автомобили пострадали в столкновении, дают показания, решительно противоречащие друг другу относительно того, что именно привело к аварии и каким образом она произошла. Возникает естественный вопрос: каким источникам информации в этой ситуации надлежит доверять более, какие источники свидетельств будут для сотрудника более авторитетны? Рациональный подход, как кажется, подсказывает вполне определённый ответ. Показаниям самих водителей, лиц, безусловно заинтересованных в исходе дела, доверять можно лишь в той мере, в какой они совпадают между собою и не противоречат иным, более объективным данным. Напротив, свидетельства видеорегистраторов, данные метрических измерений, материалы камер наблюдения — всё это заслуживает доверия в гораздо большей степени, ибо источники эти свободны от личной заинтересованности и потому объективны.

Этот пример ещё раз демонстрирует: сама ситуация, в которой оказывается сотрудник, уже содержит в себе, ещё до начала всякого опрашивания и исследования, некоторую иерархию источников информации. Ей уже предпослано, какие именно источники надлежит считать более надёжными, какие заслуживают большего доверия и, наконец, каким можно доверять почти безукоснительно, пока не будет доказано обратное. Это и позволяет говорить о том, что авторитет, в том смысле, какой мы пытаемся здесь установить, обладает своего рода презумпцией безошибочности. Иными словами, в рамках конкретной эпистемической ситуации некоторые источники информации принимаются как заведомо заслуживающие доверия, и бремя доказательства их ошибочности ложится на того, кто хотел бы это доверие оспорить.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, мы можем теперь предложить некоторое рабочее определение того понятия, которое служило предметом нашего рассмотрения. Авторитет есть особая эпистемическая позиция, сущность которой заключается в приписывании определённому источнику информации — будь то лицо, учреждение, техническое устройство или какой-либо иной носитель свидетельства — свойства высокой степени надёжности в рамках данной, конкретной эпистемической ситуации. Иначе говоря, авторитетом мы называем такое положение вещей, при котором источнику заранее, ещё до предъявления им какого-либо конкретного сообщения, вменяется способность давать заслуживающие доверия свидетельства. Непосредственным же следствием занятия источником этой исключительной позиции является тот важнейший для нашей темы факт, что свидетельства, от него исходящие, воспринимаются познающим субъектом не инференциально, а непосредственно, т.е. они принимаются как некая данность, не требующая в самый момент восприятия дополнительных логических операций по проверке и обоснованию.

Однако предложенное определение нуждается ещё в одном существенном разъяснении. До сих пор речь шла преимущественно о том, что авторитетному источнику приписывается высокая степень надёжности. Но подобная формулировка сама по себе неизбежно вызывает новый вопрос: каким образом возникает эта надёжность и почему вообще некоторый источник информации оказывается вправе занимать особое положение среди множества иных возможных источников?

Было бы неправильно искать ответ на этот вопрос исключительно в индивидуальных качествах свидетельствующего. Разумеется, компетентность, опыт, добросовестность или интеллектуальные способности имеют здесь первостепенное значение. Однако сами по себе они ещё не делают человека авторитетом. Компетентный специалист, неизвестный окружающим, остаётся в эпистемическом отношении почти столь же бесполезным, как и человек вовсе не обладающий соответствующим знанием. Между наличием знания и признанием этого знания обществом существует существенное различие. Авторитет возникает лишь тогда, когда компетентность оказывается социально признанной и приобретает нормативную силу для других участников познавательного процесса.

Поэтому авторитет всегда предполагает некоторую презумпцию надёжности. Эта презумпция вовсе не означает убеждения в безошибочности авторитета. Скорее она означает, что до появления достаточных оснований для сомнения свидетельствам данного источника следует доверять. Благодаря именно такой презумпции становится возможной сама практика передачи знания, без которой существование науки, образования, права, техники и большинства социальных институтов было бы невозможно.

Следовательно, авторитет следует понимать не только как особое свойство знания и особую разновидность истины, а как социально организованную эпистемическую позицию, позволяющую осуществлять передачу убеждений посредством презумпции надёжности. Именно эта презумпция и делает возможным то обстоятельство, которое выше было названо неинференциальным принятием свидетельства.

Установив, в чём заключается природа эпистемического авторитета — или, лучше сказать, в чём состоит то особое эпистемическое положение дел, которое мы условились обозначать этим именем, — можно перейти к следующему вопросу: могут ли убеждения, сформированные на основе суждения авторитета, участвовать в формировании знания? Если принять, вслед за большинством современных эпистемологов, общее определение знания как обоснованного истинного убеждения¹⁰, то наш вопрос можно, уточнив, свести к следующему: даёт ли суждение авторитета, т.е. свидетельство авторитета, достаточное обоснование убеждению для того, чтобы оно могло претендовать на статус знания?¹¹

Начнём рассуждение с примеров неинференциального, непосредственного знания. В качестве главных претендентов на эту роль в эпистемологии обычно рассматриваются чувственное восприятие, память и интроспекция. Убеждения, почерпнутые из этих источников, мы принимаем, как правило, непосредственно и считаем их обоснованными в силу того, что полагаем самые эти источники в большинстве случаев надёжными¹². Например, если я вижу, что за окном идёт снег, моё убеждение в этом будет считаться обоснованным при соблюдении по меньшей мере трёх условий: 1) обычно моё зрение меня не подводит, по крайней мере в вопросах, касающихся определения текущих погодных явлений; 2) моё зрение работает так, как это вообще свойственно человеческому организму; 3) я нахожусь в условиях, благоприятствующих правильной работе зрения (достаточная освещённость, отсутствие помех и т.п.). При выполнении всех этих условий я вправе принять сформированное на основе зрения убеждение в том, что на улице в настоящий момент действительно идёт снег. Все три условия необходимы для полноты обоснования, однако то, что даёт нам непосредственную оценку надёжности, заключено главным образом в первом из них. Именно прошлый опыт безошибочной работы зрения служит основанием для того, чтобы и в данном конкретном случае довериться его показаниям. Сходным образом обстоит дело с убеждениями, сформированными на основе данных памяти и интроспекции: мы доверяем им постольку, поскольку опыт свидетельствует об их надёжности, и принимаем их показания непосредственно, не проделывая каждый раз заново всей работы по обоснованию.

Касательно проблемы авторитетности сказанное означает, что авторитет, для того чтобы выполнять свою функцию в познании, должен быть надёжным источником информации. Иначе говоря, авторитетность источника

¹⁰ Речь идет о необходимых, но недостаточных условиях (например, на недостаточность этих условий указывает проблема Геттиера).

¹¹ Я ограничиваюсь тут только рассмотрением вопроса об обосновании. Вопрос об истинности таких суждений поднимает иные масштабные проблемы.

¹² Обоснование *prima facie* надёжности чувственного восприятия было предпринято У. Олстоном. В основе его рассуждения лежит идея о том, что невозможно доказать надёжность такого источника убеждения некруговым способом (Олстон У. Восприятие Бога. Эпистемология религиозного опыта. М.: Академический проект, 2022. С. 173–235).

должна распространяться именно на тот круг вопросов, относительно которых он призван свидетельствовать, — это вопрос об области компетентности авторитета.

Например, если специалист по кибербезопасности, человек, безусловно сведущий в своей области, начинает рассуждать о том, почему в ближайшие два часа должен пойти снег, — при том, что на дворе поздняя весна, ярко светит солнце и над нами, по данным метеорологов, сосредоточены тёплые воздушные массы, то к его словам мы, несомненно, отнесёмся с меньшей серьёзностью, нежели в том случае, если бы такое же предсказание исходило от профессионального метеоролога. Принятие убеждения о том, что пойдёт снег, будет скорее обоснованным (ибо, опять же, наш опыт говорит, что нам не следует слепо доверять прогнозам погоды), если оно дано метеорологом, и совершенно необоснованным, если оно исходит от специалиста по кибербезопасности, сколь бы высокими ни были его профессиональные качества в собственной области.

В приведённых примерах достаточно ясно обнаруживаются два различных вида суждений, участвующих в познавательном процессе. Первый вид — суждения о фактах, о самом положении дел в мире: «я сейчас вижу снег», «я сейчас воспринимаю информацию (прогноз) о том, что пойдёт снег». Они воспринимаются непосредственно, и именно они составляют то, что мы называем свидетельством авторитетного источника. Второй вид — это суждения о самом источнике информации, о его надёжности и компетентности: «чувство зрения обычно работает надёжно, и ничто в текущих условиях не препятствует тому, чтобы оно и сейчас работало надёжно»; «предсказание о снегопаде исходит от специалиста, компетентного в вопросах местной погоды». Вторые суждения, в отличие от первых, носят инференциальный характер. Они опираются на некоторую совокупность данных — на прошлый опыт, на свидетельства других лиц, на институциональные признаки (диплом, признание в профессиональном сообществе) — и требуют логической обработки этих данных. Отсюда следует важный для нашего исследования вывод: хотя само суждение, исходящее от авторитетного источника, принимается неинференциально, непосредственно, самый статус «быть авторитетом» — т.е. право занимать ту особую эпистемическую позицию, о которой шла речь выше — подлежит обоснованию и может и должно быть подвергнуто критической проверке. Иначе говоря, презумпция безошибочности, которой обладает авторитет в момент высказывания, сама имеет свои границы и свои основания, и эти основания лежат за пределами самого акта свидетельствования.

Обратимся теперь к первому из поставленных вопросов: могут ли убеждения, сформированные на основе суждения авторитета, участвовать в формировании знания? Если мы принимаем, что знание — обоснованное истинное убеждение, то, чтобы ответить на поставленный вопрос, надлежит выяснить, обладают ли такие убеждения достаточным обоснованием (оставляя в стороне вопрос об истинности авторитетного свидетельства).

Вопрос о природе обоснования сам по себе чрезвычайно обширен и не может быть решён здесь. Ограничусь лишь одним примером, из которого, как надеюсь, станет ясно, что если мы и будем считать подобные

убеждения обоснованными, то лишь в некотором расширительном, а не строгом смысле этого слова.

Представим себе урок математики в шестом классе. Учитель объясняет решение олимпиадной задачи, и сам ход рассуждения подталкивает учеников к допущению, что центральный угол вдвое больше вписанного, опирающегося на ту же дугу. Учитель, завершая объяснение, подтверждает, что это действительно так, и что ученики, по сути, верно догадались об этом геометрическом факте, используя его как рабочую гипотезу при решении. Спрашивается: могут ли теперь ученики, не имея строгого доказательства этого факта и не понимая его внутренней геометрической природы, считаться знающими, что центральный угол больше вписанного, опирающегося на ту же дугу, в два раза? Как представляется, нет. Ибо у них нет действительного обоснования: они не в состоянии доказать истинность этого утверждения, вывести его из более фундаментальных геометрических положений. И, тем не менее, они принимают это убеждение и даже могут успешно применять его при решении других задач, полагаясь на авторитет учителя. Если же мы, несмотря на это, будем настаивать, что они всё-таки знают данный факт (поскольку имеют истинное убеждение, обоснованное силою авторитета, — так сказал учитель), то перед нами возникает новая трудность: как в таком случае мы будем отличать этот вид знания от того знания того же самого факта, которое сформируется у этих же учеников двумя годами позже, когда в восьмом классе они пройдут его строгое геометрическое доказательство?

Пример этот, как кажется, оставляет нас перед выбором: либо мы должны признать, что у учеников имеется два различных вида знания, и тогда мы должны допустить разные виды знания; либо мы должны говорить о разной силе обоснования — от авторитета и от постижения природы геометрического факта; либо, наконец, стоит допустить существование иного, отличного от знания эпистемического отношения. Любой опытный учитель математики, как мне кажется, скажет, что лишь умение вывести и доказать утверждение может претендовать на почётное имя знания. Ученики же шестого класса при самостоятельном решении задачи подошли лишь к допущению этого геометрического факта, учитель же своею властью авторизовал правильность их догадки, поэтому отныне приняв это геометрическое утверждение, они могут пользоваться этим фактом, однако, по сути, не зная его в строгом смысле слова.

Подобную эпистемическую ситуацию я предлагаю именовать принятием. Убеждения, исходящие от авторитета, обоснованы, но в ином смысле, уступающим по силе строгому логическому обоснованию. В каком же именно? Ответ на этот вопрос, как мне думается, кроется в следующем: обосновывается не само свидетельство (суждение), а авторитет свидетельствующего, при этом он обосновывается порой не воспринимающим свидетельство, а самой ситуацией, в которой оказываются свидетельствующий и воспринимающий свидетельство. Как отмечалось выше, пациент на приёме у врача не обосновывает авторитет врача, а ученики не обосновывают авторитет учителя, но все они находятся в таком положении, когда авторитет обоснован внешней силой — социальной: наличием у врача и учителя соответствующих

дипломов, сертификатов, публикаций, их опытом и практикой. Иначе говоря, обоснованию подлежит та особая эпистемическая позиция, которую занимает источник информации в данной познавательной ситуации. Самые же свидетельства, как было установлено выше, просто принимаются, не будучи каждый раз заново обосновываемы строгим инференциальным способом.

Если попытаться сформулировать эту мысль в общем виде, то мои тезисы могут быть выражены следующим образом. Во-первых, неинференциальное убеждение, сформированное на основе авторитетного суждения, принимается только благодаря скрытой возможности его косвенного обоснования из других убеждений — например, из убеждений о надёжности и компетентности говорящего. По сути своей это критерий когерентистского толка, поскольку обоснование авторитетности источника согласуется с другими убеждениями познающего, — позволяющий отсеивать «самозванные авторитеты» и удостоверить подлинные. Во-вторых, знание, основанное на авторитетном суждении, рождается лишь в строго определённой эпистемической ситуации, в которой к свидетельствующему и к самому свидетельству предъявляются отчётливые и ясные критерии. Это отношение можно представить в виде следующей таблицы:

	Знание, что p	Обоснование надёжности
Свидетельствующий	да	нет
Воспринимающий свидетельство	нет	да

Свидетельствующий обладает знанием о предмете («знает, что p »), но не нуждается в обосновании собственной надёжности, — она уже установлена до акта свидетельствования. Воспринимающий, напротив, не имеет непосредственного знания о предмете, но способен обосновать (или, по крайней мере, имеет возможность обосновать) надёжность источника, откуда исходит свидетельство.

При помощи этих критериев мы можем ответить и на другой важный вопрос: ослабевает ли обоснованность убеждений, сформированных на основе авторитетных суждений, при передаче их по цепи таких суждений? Вопрос этот приобретает особую значимость, если принять во внимание главную социально-эпистемическую функцию авторитета — передачу знания. Ответ, как мне представляется, состоит в том, что каждый раз вопрос об обоснованности таких убеждений решается заново, применительно к каждой конкретной ситуации авторитетного свидетельствования. Вернёмся для иллюстрации к нашему примеру с геометрическим фактом. Представим, что тот же факт о соотношении центрального и вписанного углов был разъяснён старшему брату нашего шестиклассника на уроке геометрии в восьмом классе. Теперь представим себе, что младший брат, решая дома олимпиадные задачи, обращается к старшему с вопросом: действительно ли существует такое геометрическое соотношение? Старший брат, помнящий урок геометрии, отвечает утвердительно. Мы имеем здесь две ситуации авторитетного свидетельствования. Первая — на уроке геометрии, при передаче знания от учителя к ученику (старшему брату). Вторая — дома, при подтверждении старшим братом факта

существования этой геометрической зависимости для младшего. Ослабли ли знание при фактической передаче от авторитета учителя геометрии к ученику шестого класса через посредничество авторитета старшего школьника? Думается, что нет. Ибо авторитет подтверждался каждый раз заново, в своей собственной ситуации: учитель был авторитетен для старшего брата в силу своего положения и компетентности, старший брат — для младшего в силу своего старшинства и лучшего знакомства с предметом. А потому, по крайней мере в принципе, возможно, чтобы сила авторитетного суждения не ослабевала при передаче знания по цепочке, при условии, что каждое звено этой цепи удовлетворяет необходимым эпистемическим требованиям. Из этого рассуждения следует также то, что если обоснованность убеждения зависит от авторитетности источника, а авторитетность — от компетентности, то обоснованность зависит от компетентности.

Итак, подведём общий итог вышесказанному. Авторитет, в том смысле, какой был мной установлен, есть носитель информации, чья эпистемическая роль заключается в способности свидетельствовать, существеннейшая особенность этой роли — в том, что свидетельства, исходящие от авторитета, принимаются познающим субъектом неинференциальным способом, но при том условии, что воспринимающий свидетельство правильно семантически истолковывает получаемое сообщение. Таким образом, авторитетность выступает одним из надёжных механизмов формирования убеждения и передачи знания.

Ту особую эпистемическую ситуацию — отношение, в которой некоторое лицо или некоторое устройство выступает в качестве авторитета, я предлагаю именовать авторитетностью. Характеризуется эта ситуация следующим распределением познавательных функций. С одной стороны, свидетельствующий обладает знанием о предмете, но при этом не нуждается в обосновании собственной надёжности. С другой стороны, воспринимающий свидетельство не имеет непосредственного знания о предмете, но обладает возможностью обосновать (будь то непосредственно или косвенно) надёжность того источника, от которого свидетельство исходит¹³.

¹³ Я говорю именно о возможности обоснования надёжности авторитета воспринимающим свидетельство, ведь ситуация может быть прямо противоположной — воспринимающий свидетельство никак не может обосновать надёжность источника, к которому он обращается. Более того, как указал И. Г. Гаспаров, воспринимающий свидетельство находится в ситуации эпистемического круга: когда познающий субъект пытается сформировать убеждение относительно предмета, о котором он не может сформировать его самостоятельно, то он вынужден обратиться к авторитету, но в выборе авторитета он также зависит от авторитета, поэтому для того, чтобы разбираться, кто является авторитетом в той или иной предметной области, ему надо самому в ней разобраться, т. е. быть авторитетом (*Гаспаров И. Г. Эпистемический авторитет и автономия эпистемического субъекта // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53, № 3. С. 110–111*). Как мне кажется, в целом этот круг в обосновании авторитетности источника типологически схож с тем, который У. Олстон формулирует применительно к обоснованию надёжности чувственного восприятия, поэтому и выход из этого круга, как представляется, в целом аналогичен тому, который предлагает У. Олстон для ситуации с чувственным восприятием. Необходимо проверять надёжность источника не путем бесконечного восхождения по цепи авторитетов или самому становясь

Знание, передаваемое при посредстве авторитета, получает своё обоснование неинференциально, т.е. не через логический вывод, а через прямое принятие свидетельства. Учитывая это обстоятельство, я полагаю уместным обозначить данную эпистемическую ситуацию особым термином. В отличие от классического (строго эвиденциалистского) обоснования (*justification*), опирающегося, если рассматривать его строго, на логическую связь суждений и умозаключения, здесь мы имеем дело с иным познавательным отношением, которое я предлагаю называть принятием.

Сказанное позволяет иначе поставить вопрос о природе компетентности. Обычно считается, что авторитетность непосредственно вытекает из специальных знаний, которыми обладает свидетельствующий. Однако подобная постановка вопроса представляется недостаточной. Знание ещё не означает авторитетности, точно так же как отсутствие знания ещё не исключает фактического признания человека авторитетом.

Компетентность становится основанием авторитета лишь тогда, когда она получает общественное признание. Такое признание может осуществляться различными путями. В одном случае оно закрепляется институционально посредством образования, профессиональной аттестации или принадлежности к определённой организации; в другом — возникает внутри семейных отношений, возрастной иерархии или многолетней совместной практики; наконец, оно может поддерживаться устойчивой культурной традицией. Механизмы признания оказываются различными, но их эпистемическая функция остаётся одной и той же: они создают условия, при которых определённый источник информации получает право быть принятым в качестве авторитета.

Именно поэтому авторитет учителя и авторитет старшего брата различаются в первую очередь по социальным основаниям признания компетентности, которые в свою очередь, в идеале, должны фиксировать, если так можно выразиться, эпистемическую генеалогию знания конкретного индивида: в одном случае компетентность удостоверяется системой образования и профессиональным статусом, в другом — практикой семейной жизни и признанным превосходством опыта. Следовательно, речь идёт не о различных видах авторитета, а о различных социальных механизмах формирования одной и той же эпистемической позиции.

В современной эпистемологии подобная ситуация нередко описывается посредством понятия диспозиционального обоснования¹⁴. Общая идея состоит

авторитетом, а системой опровергающих свидетельств или, говоря иначе, практикой фальсификации. Авторитет сохраняет свою силу до тех пор, пока не обнаруживаются факты, явно ему противоречащие и заставляющие усомниться в его компетентности или добросовестности. Там же, где таких опровергающих свидетельств не находится, авторитет может считаться достаточно надёжным для *практических* целей познания. Таким образом, авторитет приобретается; как пишет Гадамер, он «покоится на признании и, значит, на некоем действии самого разума, который, сознавая свои границы, считает других более сведущими» (Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С. 332).

¹⁴ Это популярное направление анализа встречается у многих авторов. Выделим следующие важные работы: Alston W.P. *Beyond "Justification": Dimensions of Epistemic Evaluation*. Cornell University Press, 2005. P. 89–92; Feldman R., Conee E.

в том, что субъект может обладать достаточными основаниями для убеждения, не актуализируя их в каждом отдельном познавательном акте. Основания существуют как устойчивая способность при необходимости восстановить соответствующее обоснование.

Однако применительно к авторитетному свидетельству подобное решение представляется не вполне достаточным. В рассмотренных выше примерах воспринимающий авторитетное свидетельство нередко вообще не располагает собственным обоснованием содержания принимаемого убеждения. Всё, чем он фактически обладает, — это возможность при необходимости реконструировать основания доверия самому источнику свидетельства. Обосновывается не положение дел, о котором сообщается, а допустимость доверия свидетельствующему.

По этой причине возникает вопрос: не следует ли рассматривать принятие как самостоятельное эпистемическое отношение, несводимое к разновидности обоснования. Если подобная гипотеза окажется справедливой, то различие между обоснованием и принятием будет носить не количественный, а качественный характер. В первом случае предметом эпистемической оценки выступает само убеждение; во втором — социально организованная возможность доверия источнику, занимающему признанную эпистемическую позицию.

Авторитет в религиозном познании

Особенно отчётливо социальная природа авторитета обнаруживается в сфере религиозного знания. Именно здесь наиболее ясно видно, что признание авторитета предшествует каждому отдельному акту свидетельствования и не возникает заново всякий раз, когда сообщается новое убеждение.

Передача религиозных убеждений осуществляется посредством устойчивой системы социальных практик. К ним относятся канонические тексты, богослужебный ритуал, традиция экзегезы, деятельность специально подготовленных носителей религиозного знания и, наконец, принадлежность самого познающего субъекта к определённом религиозному сообществу. Все эти элементы функционируют совместно, образуя устойчивый механизм воспроизводства авторитетности.

Существенно отметить, что отличие религиозного авторитета от научного, юридического или педагогического заключается не в эпистемическом механизме передачи убеждений. Во всех случаях мы имеем дело с одной и той же структурой: определённый источник заранее признаётся обладающим высокой степенью надёжности, вследствие чего его свидетельства принимаются неинференциальным образом. Различается главным образом содержание передаваемых убеждений и те практики, внутри которых осуществляется признание соответствующего авторитета. Именно поэтому религиозное знание представляет собой не исключение из предложенной модели, а одну из форм её реализации.

Evidentialism // Philosophical Studies. 1985. Vol. 48. P. 15–34; Vahid H. A dispositional analysis of propositional and doxastic justification // Philosophical Studies. 2016. Vol. 173, No. 11. P. 3133–3152.

Принятие суждения авторитета и этика убеждений

Под основным вопросом этики убеждений я буду разумеать здесь следующее: что именно должен делать познающий субъект или какими качествами он должен обладать для того, чтобы его убеждения оказывались по преимуществу а) истинными, б) надёжными и в) обоснованными?¹⁵ Соответственно, и вопрос об этичности доверия авторитету естественным образом распадается на три самостоятельных вопроса: об истинности, о надёжности и об обоснованности убеждений, формируемых на основе авторитетных суждений. Хотя в настоящей статье речь шла о последнем, рассмотрим всё же вкратце каждый из этих аспектов в отдельности.

Суждения авторитета обеспечивают надёжность в том смысле, что они принимаются как заслуживающие доверия до тех пор, пока не доказано обратное. Здесь мы имеем дело с тем, что можно было бы назвать презумпцией надёжности, действующей в рамках конкретной эпистемической ситуации. Проблема развенчания авторитетов, т.е. обнаружения их несостоятельности или некомпетентности, относится уже к иному, последующему этапу познавательного процесса.

Истинность суждений авторитета, в отличие от их надёжности, непосредственно в момент свидетельствования не устанавливается. Она скорее предполагается, входит в самую структуру авторитетного отношения как неявная предпосылка. Установление истинности или ложности сообщаемого факта относится опять же к следующему этапу познавательной деятельности и может служить либо укреплению, либо, напротив, подрыву авторитета данного источника.

Обоснованность суждений авторитета, как было показано выше, носит косвенный характер. Обосновывается не само свидетельство, а надёжность свидетельствующего, и обоснование это лежит за пределами акта свидетельствования — в прошлом опыте или в институциональных признаках компетентности. Следует при этом признать, что убеждения, обоснованные напрямую — например, через непосредственное чувственное восприятие или через строгий логический вывод — обладают, несомненно, большей чистой эпистемической ценностью, нежели убеждения, обоснованные косвенно, через авторитет. И уж тем более эта ценность выше по сравнению с теми убеждениями, для косвенного обоснования которых необходимо предполагать ещё одно косвенное обоснование, и так далее по восходящей. Однако из этого неравенства в эпистемической ценности вовсе не следует, что убеждения, полученные через авторитет и тем более через цепочку авторитетов, вовсе лишены ценности и не могут участвовать в построении знания. Они участвуют, но участвуют на иных правах, с иным эпистемическим статусом — тем самым, который мы условились выше именовать принятием в отличие от строгого обоснования.

Из всего сказанного вытекает, что вопрос о доверии свидетельскому показанию авторитета есть вопрос по преимуществу практический,

¹⁵ Выходит, что возможны две разные системы этики убеждений — деонтическая и аретическая.

а не теоретико-познавательный. Эпистемология может указать условия, при которых такое доверие является разумным и оправданным, но самый акт доверия совершается в иной плоскости. Приведу пример из области философии религии, где эта практическая природа доверия выступает с особенной наглядностью. Возьмём свидетельские показания о чудесах. Строго говоря, эпистемического основания для формирования убеждения о совершившемся чуде не имеется: чудесные события по самой своей природе выходят за пределы обычного порядка вещей и не могут быть удостоверены обычными способами. И тем не менее у человека могут быть веские практические основания для принятия таких свидетельств — например, стремление к более глубокому размышлению о природе божественного, желание укрепить собственную религиозность, которая, в свою очередь, влияет на его повседневные поступки, или же просто потребность в социальной солидарности.

Принятие авторитетного суждения может, таким образом, удовлетворять либо некоторой эпистемической ценности — стремлению к истине, к обоснованности, к когерентности картины мира, — либо ценности неэпистемической, например, ценности дружественного согласия между людьми, составляющими то или иное сообщество. Отсюда следует, что каждая ситуация свидетельствования от авторитета уникальна и требует отдельного рассмотрения. Если суждение авторитета принимается на основании эпистемических ценностей, если познающий субъект руководствуется в своём доверии стремлением к истине, надёжности и обоснованности, то такой способ формирования убеждений, несомненно, подпадает под действие этики убеждений и может быть оценён по трём вышеозначенным критериям. Если же в основании доверия лежат ценности иного порядка — практические, социальные, религиозные, — то вопрос об этической оправданности такого доверия выходит за пределы эпистемологии и требует иных рассматриваний.

В связи с истинностью и надёжностью авторитетных свидетельств возникает ещё одно затруднение, которое нельзя оставить без внимания: если авторитет, как было предположено, представляет собой прежде всего социальную позицию, то должна ли этика убеждений оценивать содержание авторитетных свидетельств или же исключительно сам механизм их принятия?

Представляется, что удовлетворительным может быть лишь двойственный ответ. Безусловно, содержание убеждений имеет непосредственное отношение к эпистемической оценке. Истинность или ложность сообщаемых положений неизбежно влияет как на сохранение, так и на утрату авторитета. Однако было бы ошибкой полагать, будто содержание убеждений полностью исчерпывает природу авторитета.

Авторитет существует прежде всего как общественный механизм организации передачи знания. Именно поэтому обычно одно ложное свидетельство само по себе ещё не может полностью подорвать авторитетность источника, подобно тому как единичная ошибка опытного врача ещё не отменяет всей его медицинской практики. Лишь систематическое разрушение презумпции надёжности приводит к утрате соответствующей эпистемической позиции. Иначе говоря, содержание убеждений определяет успешность функционирования авторитета, но не создаёт самого института авторитетности.

Возвращаясь, в заключение, к вопросу, с которого мы начинали наше рассуждение, к вопросу о той решительно негативной оценке, которую философы Просвещения давали суждениям авторитета в познавательном акте, следует начать с очевидного: философы Просвещения выступали против авторитетов религиозных *par excellence*, против самой идеи некритичного принятия чужих мнений.

Однако, как было показано, вычеркнуть авторитет из познания вообще, устранить его целиком и полностью из процесса формирования убеждений не представляется возможным. Слишком многообразны и слишком глубоки те связи, которыми авторитетное суждение вплетено в самую ткань нашего познания — от простейших актов доверия показаниям часов и приборов до сложнейших механизмов передачи научного знания от поколения к поколению и от специалиста к новичку.

Этика убеждений может установить дифференцированное отношение к суждениям авторитета: они могут и должны быть среди других познавательных актов, если они принимаются на основании действия эпистемических ценностей. Иначе говоря, если познающий субъект доверяет авторитету потому, что видит в этом доверии путь к достижению истины, к построению более надёжной картины мира, к когерентности своего знания, — такое доверие вполне удовлетворяет требованиям этики убеждений, будь то этика деонтическая, предписывающая определённые правила познавательной деятельности, или этика аретическая, ориентированная на добродетели познающего субъекта.

Следовательно, авторитет следует понимать не как эпистемическую добродетель и не как самостоятельный источник истины, а как социальную форму организации познания, делающую возможной передачу убеждений посредством институционально или культурно гарантированной презумпции надёжности. Именно поэтому проблема авторитета принадлежит одновременно эпистемологии и социальной философии знания: она касается не только того, каким образом формируются убеждения, но и того, каким образом общество распределяет доверие между различными носителями знания.

Таким образом, вопрос об авторитетном свидетельстве должен ставиться несколько шире только лишь эпистемологического анализа. В действительности предметом исследования оказывается не столько сам авторитет, сколько те общественные условия, при которых становится возможной передача знания от одного субъекта к другому без постоянного воспроизведения всей цепи обоснования. Всякое общество вырабатывает устойчивые способы распределения эпистемического доверия: устанавливает критерии компетентности, создаёт институты её удостоверения, определяет круг лиц, чьи свидетельства принимаются с презумпцией надёжности. Авторитет является лишь одним из элементов этой более широкой системы — особой эпистемической позицией, возникающей внутри социальной организации познания. Именно поэтому проблема авторитета относится не только к эпистемологии свидетельства, но и к социальной философии знания: она касается тех механизмов, посредством которых общество обеспечивает преемственность, сохранение и воспроизводство знания.

Источники и литература

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 700 с.
2. Гаспаров И. Г. Эпистемический авторитет и автономия эпистемического субъекта // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53, № 3. С. 108–122.
3. Загзебски Л. Эпистемический авторитет: современная либеральная защита // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53, № 3. С. 92–107.
4. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Сочинения: в 8-ми томах. Т. 8. М.: Чоро, 1994. 718 с.
5. Локк Дж. Опыт о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения: в 3-х томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 669 с.
6. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения: в 3-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 621 с.
7. Олстон У. Восприятие Бога. Эпистемология религиозного опыта. М.: Академический проект, 2022. 471 с.
8. Тухватулина Л. А. Наука как объект веры и недоверия: феномен дениализма // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 1. С. 6–20.
9. Шопенгауэр А. Новые Паралипомены: отдельные, но систематически изложенные мысли о разного рода предметах. 1810–1860 // Шопенгауэр А. Полн. собр. соч.: в 4-х томах. Т. 4. М., 1910. 694 с.
10. Юм Д. Исследование о человеческом познании // Юм Д. Сочинения: в 2-х томах. Изд. 2-е, дополн. и исправ. Т. 2. М.: Мысль, 1996. 800 с.
11. Alston W.P. Beyond “Justification”: Dimensions of Epistemic Evaluation. Cornell University Press, 2005. 256 p.
12. Audi R. God and the Ethics of Belief // New Essays in Philosophy of Religion / ed. by A. Dole, A. Chignell. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 175–201.
13. Audi R. Testimony as an a Priori Basis of Acceptance: Problems and Prospects // Philosophica. 2006. Vol. 78, No. 2. P. 85–104.
14. Austin J. L. Philosophical Papers. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 1979. 306 p.
15. Feldman R., Conee E. Evidentialism // Philosophical Studies. 1985. Vol. 48. P. 15–34.
16. Greco J. The Transmission of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press. 2020. 214 p.
17. Vahid H. A dispositional analysis of propositional and doxastic justification // Philosophical Studies. 2016. Vol. 173, No. 11. P. 3133–3152.